

В. А. ЗВЕГИНЦЕВ

О ЦЕЛЬНООФОРМЛЕННОСТИ ЕДИНИЦ ТЕКСТА

Когда самым общим образом определяют язык, то наиболее ходовым можно признать определение, в соответствии с которым язык есть средство общения. Разумеется, существует много модификаций этого определения, которые ставят своей целью сделать его возможно более строгим и адекватным. Но существа этого определения они не меняют. И с этим определением (за очень небольшим исключением) в той или иной степени, с теми или иными оговорками согласны почти все лингвисты.

Но если внимательно приглядеться, то станет ясным, что это вовсе не определение языка. В действительности — это подход, точка зрения, с которой на протяжении веков главным образом изучался язык. Иными словами, это не вывод, к которому приходит исследователь в результате внимательного изучения своего объекта, а методическая установка и обязательная предпосылка (или, говоря современным языком, теоретический конструкт), принимаемые заранее при изучении языка. Отсюда и общее согласие относительно определения языка — когда ты сел на стул, то трудно отрицать, что ты сидишь на стуле.

Удивляет при этом не инверсия отношений между посылкой и выводом, а другое. Если исходить из того, что язык есть средство общения, то, видимо, его и надо изучать как средство общения. Следует, однако, отметить, что данная формула определения языка допускает два различных логических ударения, в соответствии с чем можно по-разному строить и свое исследование. Язык можно изучать как с р е д с т о общения и как средство о б щ е н и я. История языкознания сложилась так, что язык изучался преимущественно как с р е д с т о общения, в соответствии с чем (если отмыслиться от предписывающей установки, руководствующейся, бесспорно, внелингвистическими соображениями) и строились различные описательные процедуры, которые по замыслу должны были дать возможно исчерпывающую картину совокупности этих средств. И только последние десятилетия внимание многих языковедов стало сосредоточиваться на второй части определительной формулы языка, т. е. на процессе о б щ е н и я с помощью языка (как совокупности средств). Но не следует упускать и того чрезвычайно важного обстоятельства, что в изучении языка возможен и третий и, следует думать, наиболее плодотворный путь, при котором обе части определительной формулы находятся в сбалансированном отношении.

В пределах традиции изучения языка как с р е д с т о общения учёные оперируют наборами единиц, «высшим» пределом которых является предложение. Но как только ударение стало делаться на другую часть формулы, т. е. на о б щ е н и е, стало ясно, что общение осуществляется не посредством фонем, морфем или слов и вовсе не замыкается даже пределами отдельных, изолированно рассматриваемых предложений. В естественном процессе деятельности общения предложения обычно составляют только часть некоторого более сложного целого. Это и потребовало выхода за пределы предложения и послужило основанием для создания особой

области лингвистических исследований, получившей название лингвистики текста. Возникновение этого направления исследований нельзя считать неожиданным и оценивать его как побочное для языкоznания. По сути дела весь путь, который наука о языке проделала до возникновения лингвистики текста, представляет собой последовательно-логическое развитие изначальной предпосылки, предписывающей рассматривать язык как средство общения — в направлении максимального приближения к подлинному акту общения, где, как указывалось, общение и его средства находятся в сбалансированных отношениях.

Ученые, приступающие к изучению текста, видимо, и не подозревают, что им придется иметь дело с объектом, по своей грандиозности не уступающим вселенной,— в сущности, с лингвистической вселенной. Во всяком случае они без робости вступают в эту безграничную исследовательскую область — скорее всего не потому, что обладают соразмерной научной смелостью, а потому, что ожидают найти здесь более или менее четко выделимые единицы и образования, какими они привыкли оперировать ранее. Стоит, впрочем, вспомнить, с чем они столкнулись уже на уровне предложения (или высказывания), и потому, выступая за его пределы, разумно проявить необходимую осторожность и обезопасить себя рядом ограничений — хотя бы самого общего порядка. Надо, следовательно, необозримое сделать обозримым или по меньшей мере найти пути к этому. На первых порах придется прибегнуть к самым общим и, если угодно, внешним различиям, с самого начала, однако, принимая то фундаментальное положение, что разные виды текста, очевидно, требуют различной методики анализа.

Первоначально по неосознанной инерции «текст» разумелся и изучался как письменное и притом главным образом художественное произведение. При таком подходе оказывалось возможным объединить усилия литературоведов и лингвистов. Не делались, далее, также различия между монологическим и диалогическим «текстом», хотя даже самый поверхностный взгляд обнаруживал, что мы имеем здесь дело с далеко не однородными образованиями. И, наконец, следует упомянуть о «количественном» критерии. Ведь «текстом» является и «Война и мир» Л. Толстого, и отдельный абзац. И более того, подобно тому, как предложение может состоять из одного единственного слова, так и текст при известных условиях (тогда, когда исполняются его функции) также может строиться из одного предложения или даже одного единственного слова. По-видимому, здесь имеет место чрезвычайно сложная иерархия равнозначных величин и единиц. Определение этой иерархии — дело будущего и, как кажется, не очень близкого. Пока же приходится руководствоваться положением, в соответствии с которым для того, чтобы подняться вверх, надо знать, где низ. Иными словами, надо начинать с первичной единицы текста. В качестве исходного принимается постулат, что искомая первичная единица текста находится выше (или за пределами) предложения, непосредственно (в иерархическом построении текста) примыкая к нему. В качестве такого рода элементарной единицы текста, надо полагать, следует принимать дискурс — сложное целое или выделимое содержательное единство, которое на уровне языка, как правило, реализуется в последовательности предложений, связанных между собой смысловыми отношениями¹. Нередко при этом смысловое единство дискурса связывается с тем, что он «излагает» конкретное «событие» или «эпизод». Для простоты дальнейшего рассмотрения будет браться дискурс монологического характера, лишенный явных признаков художественного текста (хотя совершенно не возбраняется использовать и такие тексты, способные в ряде случаев подчеркнуть особенности дискурса).

¹ Более подробно о понятии дискурса см. Звегинцев В. А. Предложение и его стношения к языку и речи. М., 1976.

Уже при обращении к этой наиболее простым образом представленной задаче требуется формулирование некоторых общих положений, которые должны образовать теоретические условия ее решения.

Поскольку и на данном первом этапе анализа текста оказалось необходимым обратиться к таким категориям, как содержательное единство и смысловые отношения, постольку становится очевидным, что нашу частную задачу волей-неволей придется решать как семантическую задачу. Это — во-первых. А во-вторых, так как речь идет и о некотором содержании (событии, эпизоде), и о его языковом представлении, нам, следовательно, придется иметь дело с некоторым двусторонним явлением, обе стороны которого не всегда легко согласуются друг с другом. Собственно говоря, все семантические исследования последних десятилетий и вращались вокруг этого обстоятельства. В первую очередь они направлены на прояснение существа содержательной стороны и в основном сводятся к вопросу о том, где и как должна проходить граница между лингвистическим и «фактологическим» содержанием языковых образований. В более строгой формулировке эта проблема определяется как проблема различий между языковыми значениями и энциклопедическими внелингвистическими знаниями («энциклопедией»). Для преодоления возникающих тут трудностей и было фактически введено понятие глубинной структуры, которое, однако, получило и продолжает получать на редкость многообразную интерпретацию (даже у самого ее «первооткрывателя» — Н. Хомского).

В своем докладе под названием «Будущее семантики», сделанном на одном из трех заседаний в честь «золотого юбилея» (50-летия) Американского общества лингвистов, Ч. Филлмор, касаясь данного семантического парадокса, высказал утверждение относительно того, что, по его мнению, имеет основание быть отнесенными к области семантики и таким образом имеет лингвистическую значимость. Он сказал: «Мне хотелось бы заявить следующее. Во-первых, те утверждения в семантике, которые не имеют тех или иных возможных приложений к процессу понимания (*comprehension*), не могут быть особенно существенными для семантической теории. И, во-вторых, те утверждения, которые выглядят, как присущие семантике как таковой, лучше всего рассматривать как процессы понимания»². Хотя на первый взгляд такая постановка вопроса как будто переносит всю проблему из области лингвистики в область психологии, такое впечатление следует признать неправомерным. Такое впечатление обусловливается тем, что в данном случае нам неизбежно приходится выходить за пределы собственно лингвистических фактов и обращаться к тем из них, на которые не распространяется власть науки о языке — имеются в виду энциклопедические знания. Думается, что оба эти взаимосвязанные принципы образуют то нужное, обязательное и достаточно широкое теоретическое пространство, в границах которого и должно решать проблемы, подобные противопоставлению лингвистических значений энциклопедическим знаниям. Только предпочтительней вместо категории понимания использовать категорию осмыслиения или, еще лучше, — интерпретации. По причинам, которые станут ясными из дальнейшего изложения.

Разграничение между лингвистическим и внелингвистическим содержанием (между лингвистическим значением и энциклопедией) особенно резко выступает, когда мы имеем дело с текстом. Ведь текст уже и на уровне дискурса принадлежит речи и потому, по определению, всегда ситуативно привязан, т. е. всегда выносится за пределы языка, во «внешний» мир. Таким образом, фактически возникает вопрос о способах языковой реализации событийной информации. Или, если говорить точнее, о способах построения текста и о факторах, которым в первую очередь подчиняется построение текста (на уровне дискурса).

² Fillmore Ch. The Future of Semantics. The Scope of American Linguistics, Lisse, 1975, p. 137.

Если отвлечься от многочисленных сложностей проблемы взаимоотношения языка и мышления и, в частности, от вопроса о том, возможно ли доязыковое мышление³, то следует предположить, что естественное направление движения акта общения, использующего в качестве своего средства язык, должно, по-видимому, идти от события к тексту. При этом имеет место не просто языковое выражение некоторого событийного содержания, но также и интерпретация его и притом интерпретация в терминах лингвистических значений. Вполне доказательным свидетельством в пользу данной трактовки является, как кажется, то обстоятельство, что одно и то же событие допускает чрезвычайно многообразную его реализацию в тексте (здесь нет одно-однозначных отношений). При разных пересказах одного и того же события происходит различная его интерпретация, в результате чего и возникают нетождественные тексты. Одним из самых существенных факторов, оказывающих прямое влияние на построение текста (в нашем случае — дискурса), является то, что данная интерпретация осуществляется не только для самого говорящего (ему самому это необходимо для осмыслиения события), но и с обязательным учетом адресата. Совершенно очевидно, что об одном и том же событии мы по-разному рассказываем различным собеседникам. Чтобы в результате получился связный и понятный текст, здесь приходится согласовывать и сопоставлять многочисленные моменты. Как пишет в этой связи Ч. Филлмор, «когда кто-либо интерпретирует текст, он представляет себе ситуацию, в которой вещи, о которых ему рассказывают, обладают качествами, относительно которых ему говорят, что они их делают. И при этом он старается уяснить себе авторские намерения при сообщении этих вещей тем или иным адресатам. Текст может признать связным, если данный конкретный воображаемый мир оказывается совместимым со всеми частями текста. И если найден единый более или менее унифицированный покрывающий весь текст ответ, раскрывающий намерение автора или говорящего»⁴. Разумеется, не представляется возможным останавливаться на всем том, как осуществляются все возникающие здесь согласования и упорядочения. Да это и не представляется в данном случае нужным, поскольку было установлено, что будут упоминаться лишь главные факторы построения текста. Один из них был назван, теперь следует перейти к другому.

Выше уже говорилось, что интерпретация событий, подлежащих сообщению в тексте, происходит в терминах лингвистических значений. Настало время указать, в терминах каких лингвистических значений происходит эта интерпретация, и указать на ее особенности. Одной из самых примечательных черт текста является то, что его интерпретация осуществляется посредством предложений и притом предложений как членов дискурса. Это значит, что текст интерпретируется через значение предложений, но предложения, входящие в дискурс, уже прошли через определенную интерпретацию, поскольку они оказываются ситуативно привязанными. Ведь интерпретация предложений дискурса как раз и заключается в их ситуативной привязанности, т. е. в согласовании значения предложения с совершенно конкретным событием внелингвистического мира. Свое выражение интерпретация этого порядка находит в совокупности соответствующих пресуппозиций. Таким образом, получается, что в тексте имеет место процесс двойной интерпретации, причем вторая ступень интерпретации явно предполагает наличие некоторой еще не названной содержательной надстройки, способной объединить отдельные предложения в смысловое целое и образовать связный текст, или дискурс. Построение

³ В советской науке ученые все чаще высказываются в пользу существования доречевых форм мышления. См. для примера: Ильинков Э. В. Соображения по вопросу об отношении мышления и языка (речи). — «Вопросы философии», 1977, № 6; Дубровский Д. И. Существует ли внесловесная мысль. — «Вопросы философии», 1977, № 9.

⁴ Fillmore Ch. Указ. соч., с. 137.

ние дискурса, следовательно, испытывает на себе воздействие двух сил. Снизу он детерминируется пресуппозиционным каркасом дискурса, а сверху — не названной еще содержательной надстройкой. Обе силы определяют нижний и верхний предел дискурса и обусловливают его «цельнооформленность».

Но что же из себя представляет эта содержательная надстройка, отмечаяшая верхний предел дискурса? Присвоим этой надстройке, выступающей в качестве второго важного фактора образования дискурса, условное наименование «возможного мира».

Как это ни может показаться неожиданным, но понятие «возможного мира», родившееся в недрах неклассических логик в работах Саула Крипке, Яакко Хинтикка и Ричарда Монтея и используемое для логического анализа естественного языка, имеет свою литературоведческую историю. Об этом имеет смысл помянуть потому, что вводимое здесь понятие «возможного мира», хотя и выступает в качестве формообразующей величины, не обладает логической строгостью и скорее приближается к тому, что под этим понятием разумеют литератороведы. Так, в ряде работ Д. С. Лихачева отмечается, что у произведений литературы есть свой «внутренний мир», который строится как один из возможных и где проявляют себя особые законы пространства, времени, отношений человека со средой и т. д.⁵ Существует уже достаточно богатая литература, где делаются попытки описания действия этих законов. В свойственной ему иносказательной манере о «возможных мирах» говорит и В. Шкловский. В своих воспоминаниях о Юрии Тынянове он рассказывает: «В ЛЕФе, в журнале, редактором которого был Владимир Маяковский, существовал анекдот. Проповедник говорит проповедь. Все сидящие в церкви рыдают и ужасаются. Один человек остается совершенно спокойным. Сосед спрашивает его: „Почему вы спокойны и не плачете?“ — „Я не из этого прихода“, — ответил человек»⁶. Так как этот человек был из другого прихода, он чувствовал себя находящимся в другом мире и не считал себя обязанным воспринимать проповедь так, как ее воспринимали прихожане данной церкви. Мораль этого анекдота В. Шкловский переносит на рассуждения по поводу того, как делаются художественные произведения: «Поэты называют свои вещи поэмами, посланиями, просто стихами, пародиями для того, чтобы закрепить жанр — сферу понимания. Но они сами не знают иногда, куда идут стаи мыслей, какие страны они видят. Система как бы самораскрывается...

Все это ведет к тому, что внутри одного произведения создаются разные отношения к предмету рассказа или показа.

В литературе поэтому надо исследовать не отдельные черты произведения, а смысл каждой черты в системе произведения; причем надо определять: перед нами одноголосое произведение или полифоническое — многоголосое⁷. Позднее, как известно, М. М. Бахтин создал теорию полифонической структуры романа, использовав в качестве области своего исследования произведения Ф. Достоевского.

Подобного рода высказывания, разумеется, в первую очередь должны быть отнесены к текстам масштаба романа или во всяком случае законченного художественного произведения со сложной иерархической структурой «возможных миров». Но они содержат в себе и некоторые соображения относительно самого понятия «возможного мира» — в его наиболее общей форме. Так, В. Шкловский в приведенном отрывке нашел очень точное выражение — «сфера понимания» — и дает неплохой совет, как ее определять: «надо исследовать не отдельные черты произведения,

⁵ См. Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения. — «Вопросы литературы», 1968, № 8.

⁶ Сб. воспоминаний «Тынянов» (в серии «Жизнь замечательных людей»). М., «Молодая гвардия», 1966, с. 56.

⁷ Там же, с. 58.

а смысл каждой черты в системе произведения». В самом первом приближении «возможный мир» и допустимо определять как особую сферу понимания, отдельные «черты» которой (в нашем случае — предложения) необходимо соотносить с этой сферой понимания как некоторого содержательного единства. Иными словами, строя дискурс, надо заполнять его пространство отдельными предложениями таким образом, чтобы они не только не находились в противоречии со сферой понимания, но и, подобно мозаичной технике, «проявляли» картину «возможного мира», выступающего в этом процессе в качестве руководящего начала. Естественным образом здесь возникает новый фактор, связанный с проблемой связности текста (или, точнее, дискурса).

Кстати говоря, эта проблема уже упоминалась в приведенном выше высказывании Ч. Филлмора, которое до известной степени можно рассматривать как перифразу только что описанного построения дискурса, подчиняющегося влиянию «возможного мира». Имеет смысл напомнить формулу Ч. Филлмора: «Текст можно признать связным, если данный конкретный воображаемый мир оказывается совместимым со всеми частями текста». К этому он добавляет: «Одной из задач интерпретации текста является определение того, каковы принципы связности, используемые говорящим или пишущим»⁸.

Проблемы цельности и связности дискурса, конечно же, взаимозависимы и в действительности представляют собой разные стороны одного и того же явления. Но в лингвистике текста, как она предстает перед нашими глазами в ее нынешнем состоянии, обе эти проблемы чаще всего исследуются раздельно. И, в частности, когда обращаются к проблеме связности, то оперируют такими категориями, как межфразовые отношения или межфразовые связи. По сути дела исследования этого порядка представляют интерполяцию приемов исследования отдельных предложений (и в особенности сложных предложений) на запредельную область сверхфразовых единств. При этом стремятся выделить конкретные средства, обеспечивающие связность текста. К числу подобного ряда средств относят лексические и словообразовательные повторы, синонимические повторы, прономинализацию и пр. Но в большинстве текстов не представляется возможным выделить такие в большей или меньшей мере явственно «наблюдаемые» средства образования межфразовых единств, и тогда волей-неволей приходится прибегать к понятию смысловых связей — путь, на который, между прочим, толкает то обстоятельство, что текст конструируется из единиц, наделенных смыслами (и очерчивающих низший предел дискурса). И в этом случае опять-таки приходится возвращаться к содержательным категориям.

Содержательная же, или смысловая, интерпретация связности (а вместе с тем и цельности) текста и в особенности дискурса вводит в научный оборот непосредственно не «наблюдаемые» средства. Примером таких средств могут служить, например, схемы «развертывания» текста. В одном случае текст строится так, что последовательность входящих в него предложений содержит информацию для того или иного заключения. В другом случае «развертывание» текста следует обратному порядку, и сначала дается положение, из которого затем делаются некоторые выводы. В третьем случае в предложениях текста приводится различная информация об одном и том же объекте или событии. Наконец, очень часто предложения следуют друг за другом в порядке действительного появления деталей определенного события и т. д. Другие авторы выдвигают свои способы изучения структуры текста, опираясь преимущественно на его коммуникативные качества. Так, указывается на необходимость выделения в тексте доминантного предложения, выступающего в качестве организующего весь текст начала. Вариантами этой идеи можно считать предположение

⁸ Fillmore Ch. Указ. соч., с. 152.

о наличии в каждом тексте информационного или коммуникативного центра, по отношению к которому прочие элементы текста выступают в виде периферийных, или же использование заимствованного из теории актуального членения метода установления «данного — нового» (или «известного — неизвестного»), уравновешивающего структуру текста. К содержательным категориям, позволяющим эксплицировать основы построения текста, относят также и выделение различных классов предложений по признаку их функциональной нагрузки в тексте и пр. Весьма бурно развивающаяся новая отрасль лингвистических исследований — лингвистика текста — демонстрирует здесь большое богатство идей и подходов со значительной амплитудой исходных принципов: от испытанных методов традиционного синтаксического анализа до обращения к интуиции⁹.

Как бы, впрочем, ни варьировались методы и принципы изучения текста, в основе всех их лежит подспудный постулат о линейной последовательности текста, его сукцессивной сущности. Сам по себе этот постулат не представляет чего-либо оригинального — он является прямым производным установки о языке как средстве общения, с которой обычно и производится изучение языка — в каком бы виде он ни являлся взгляду исследователя. С предельной ясностью данный постулат был сформулирован как принцип линейного характера означающего Ф. де Соссюром, подчеркивающим, что «этот принцип основной и последствия его неисчислимые»¹⁰. Справедливость данного утверждения не замыкается приведенными примерами относительно способов изучения текста. Новым и фундаментальным следствием данного принципа является идея о «возможных мирах», которая распространяет его и на означающее. Это придает новое качество и самому принципу линейности, придавая ему более широкий характер.

Если принимать постулат о линейной последовательности «развертывания» текста применительно и к его содержательной стороне (а он согласуется со всем тем, что было сказано выше, и, в частности, с установлением общей направленности осуществления речевого акта от события к его языковой реализации в тексте), то из идеи о «возможных мирах», как вторичных интерпретирующих устройствах или обеспечивающих эту интерпретацию содержательных надстройках необходимо сделать все надлежащие выводы. При этом выясняется следующее.

Принцип линейной последовательности, если о нем вообще упоминается, используется, как правило, при рассмотрении связности текста с упором на его «план выражения». Но связность, как уже многократно отмечалось, неотделима от целостности. Целостность же — содержательная категория. Стало быть, при обращении к принципу линейной последовательности текста — а этот принцип является для него основополагающим — необходимо учитывать обе его ипостаси — в их двуединстве. Это значит, что принцип линейной последовательности служит не только целям связности текста, но является — и это надо особо подчеркнуть — условием и средством создания смысловой цельности первичной единицы текста — дискурса. Только на его основе представляется возможным объединить отдельные смыслы, содержащиеся в отдельных предложениях, в единое целое и установить границы этого целого. В своем линейном «развертывании» дискурс не имеет права преступать тех запретов, которые налагает на него «возможный мир», реально воплощенный в дискурсе. Отдельные предложения, составляющие дискурс, следовательно, должны располагаться в такой последовательности, которая наи-

⁹ Обстоятельный обзор приемов исследования текста можно найти в статьях: Николаева Т. М. Лингвистика текста и проблемы общей лингвистики. — «Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка», 1977, № 4; Гиндин С. И. Советская лингвистика текста. — «Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка», 1977, № 4.

¹⁰ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., «Соцэкгиз», 1933, с. 81.

более оптимальным образом согласовывалась бы с данным «возможным миром». Многоголосность в пределах «возможного мира» дискурса противопоказана. В церковь должны иметь доступ только те прихожане, которые способны понять ее проповедника — посторонним там делать нечего.

Жесткие требования «возможного мира», опирающиеся на линейную последовательность, в принципе не допускают перифраз дискурса. Его варьирование, как указывалось выше, возможно только тогда, когда намеренно учитываются характерные особенности адресатов, — уже говорилось, что об одном и том же событии мы по-разному рассказываем различным собеседникам. При равных же условиях перифраз дискурса равнозначен перифразу «Войны и мира».

Чтобы проиллюстрировать сказанное, разберем три примера различных дискурсов.

1. В комнате царил самый безобразный беспорядок. Постель была не убрана. Посредине стола в окружении грязной посуды и раскрытых книг почему-то стояло ведро. На полу валялись бесчисленные окурки. В сознании Ирины не укладывалось, что здесь живет Виктор — всегда аккуратно одетый, гладко причесанный и свежевыбритый.

2. Двадцать первое. Ночь. Понедельник.

Очертанье столицы во мгле.

Сочинил же какой-то бездельник,

Что бывает любовь на земле.

3. Ночь. Луна. Он. Она.

Едва ли кто станет отрицать (хотя бы и с интуитивных позиций), что данные дискурсы обладают качеством содержательной цельности и связности (хотя «внешние» признаки связности отсутствуют). Попробуем проделать с ними эксперимент и представить составляющие их предложения в обратной последовательности.

1. А. В сознании Ирины не укладывалось, что здесь живет Виктор — всегда аккуратно одетый, гладко причесанный и свежевыбритый. На полу валялись бесчисленные окурки. Посредине стола в окружении грязной посуды и раскрытых книг почему-то стояло ведро. Постель была не убрана. В комнате царил самый безобразный беспорядок.

2. А. Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле.

Очертанье столицы во мгле.

Ночь. Двадцать первое. Понедельник.

3. А. Она. Он. Луна. Ночь.

Прежде всего нужно обратить внимание на то обстоятельство, что эти дискурсы (в их первом варианте) не следуют вышеописанным схемам развертывания текста. Они по своей «событийности» не подчиняются и физической последовательности (когда один эпизод «причинно» следует за другим) или правилам логических отношений. Они, следовательно, не имеют внешней опоры, которая обеспечивала бы их внутреннюю связность. Данные дискурсы симультаны в том смысле, в каком является симультанным, например, восприятие картины. Описание картины можно сделать самым различным образом, но любое такое описание, сделанное на свой манер тем или иным ее «созерцателем», будет описанием, в основе которого лежит личный мир данного «созерцателя» — один из «возможных миров». И то, что «созерцатель» делает свое описание увиденной картины таким, а не иным образом, располагая предложения, входящие в его описание, в определенной последовательности, есть способ его интерпретации картины, — это и раскрывает его «возможный мир».

Аналогичным образом обстоит дело и с приведенными дискурсами. Описание ими «событий» исходит из определенного «возможного мира»,

способом интерпретации которого является то — в данном случае фактически единственное, представляемое языком в распоряжение человека — средство, которое неизбежно принимает форму принципа линейной последовательности. Именно в силу своей обязательности этот принцип (в отношении дискурса) и приобретает интерпретирующие или смысловые функции. При этом — об этом необходимо еще раз напомнить — в построении дискурса происходит интерпретация интерпретаций и именно тех, через которые проходит каждое предложение, когда оно становится членом дискурса. Весьма удачно И. Уилкс назвал предложения в этом их качестве «аксиомами действительности» (в своей «Preference Semantic System»). Эти «аксиомы действительности» конструируют пресуппозиционный каркас дискурса и устанавливают нижний предел той рамки, в которую «вставляется» дискурс.

Изменение порядка следования отдельных элементов (т. е. предложений) в приведенных примерах дискурсов (а именно, как это было сделано, построение их в обратном порядке) не запрещается никакими логическими, лингвистическими или внелингвистическими факторами. Изменение порядка линейных последовательностей данных дискурсов запрещается лишь смысловыми соображениями, которые в своей совокупности и в своей последовательности выражают определенный «возможный мир». И если такое изменение производится, то разрушаются не только установочные первичные «возможные миры» дискурсов, но это приводит и к другим последствиям.

Изменение линейной последовательности может лишить дискурс всякой цельности и сделать его фактически бессмысленным, как это имеет место в случае со вторым примером (см. 2.А). В первом примере (1.А) суммарный смысл как будто сохранился, но сместились смысловые акценты. В первом варианте этого дискурса событие излагается с точки зрения стороннего повествователя, стоящего за «кадром» события. А во втором варианте в изложение события вклинивается участник события — Ирина, «возможный мир» которой противопоставляется другому — «реальному». В результате между одним и другим вариантом возникает «разноголосица». Проще всего как будто должно было обстоять дело с третьим дискурсом, но этого не случилось. Перестановка слагаемых привела к явному изменению суммы слагаемых, стоящей на грани бессмыслицы. Это становится особенно наглядным, если воспользоваться другими возможными перестановками этого дискурса: *Она. Луна. Он. Ночь* или *Он. Ночь. Она. Луна*. У этих однословных предложений особую силу приобретает вторичная интерпретация, которая фактически и превращает эти слова в предложения.

Приведенные соображения и примеры, как кажется, достаточно ясно раскрывают понятие «возможного мира» и его значение для организации дискурса. Очевидно, можно констатировать, что если все входящие в дискурс предложения не противоречат «возможному миру» как интерпретирующему устройству, в задачу которого входит приведение смыслов данных предложений к единому знаменателю «сфера понимания», дискурс получает качества цельности и все входящие в него предложения оказываются связанными в смысловом отношении. При этом главным орудием интерпретации дискурса через «возможный мир» является принцип линейной последовательности составляющих дискурс предложений. Он и обеспечивает дискурсу то, что можно назвать его цельнооформленностью.